

БИТВА ПРИ ФАТЕ И ГРЕЧЕСКАЯ ТАКТИКА IV ВЕКА ДО Н. Э.

В. Д. Блаватский

IV век до н. э. был эпохой великого перелома в истории греческой тактики. Отживала свой век старая система, при которой основным родом оружия были гоплиты — тяжеловооруженная пехота, сражавшаяся в тесно сомкнутом линейном построении, получившем наименование дорийской фаланги. Сокрушительная сила фаланги заключалась в лобовом ударе. Слабыми сторонами ее были уязвимость на флангах, нерасчленимость и связанная с этим очень ограниченная маневренность построения. Значение других родов оружия (легковооруженной пехоты и конницы) во время господства дорийской фаланги было невелико. Не выполняя самостоятельных тактических задач, они могли играть только подсобную роль.

Такая тактика, обычная у греков до V века до н. э., была теснейшим образом связана с системой комплектования войска. Основа его — гоплиты — представляла поголовное ополчение цензового гражданства. Эти контингенты (за исключением лакедемонян) по большей части не проходили длительного военного обучения. Походы того времени обычно не были продолжительными. Все это препятствовало появлению массового высококвалифицированного профессионального войска и создавало большие затруднения для какого бы то ни было усложнения тактики.

Примерно с эпохи Пелопоннесской войны в Греции постепенно начинают слагаться иные условия. Широкое развитие наемничества привело к появлению армий, состоявших из солдат-профессионалов, прошедших специальную военную подготовку и имевших большой опыт постоянной длительной службы. Эти новые контингенты могли обеспечить возможность дальнейшего развития и усовершенствования греческой тактики. Тяжелая пехота, состоявшая из обученных посредством военных упражнений гоплитов, приобрела очень ценное качество, которого не хватало старой фаланге, — маневренность. Однако еще большее значение имело наемничество для легковооруженной пехоты, игравшей в предшествующее время довольно пассивную роль.

Наличие некоторых нововведений можно отметить в тактике греческого командования уже во времена знаменитого похода наемников Кира Младшего в 401—400 гг. до н. э. Однако новые явления в греческом военном искусстве рассматриваемого периода отнюдь не ограничивались только большей способностью к маневрированию тяжелой пехоты. Борьба, которую пришлось вести греческим войскам с персами в конце V—начале IV века до н. э. на обширных пространствах Передней Азии, также должна была способствовать накоплению военного опыта и дальнейшему развитию так-

тики. В битве при Кунаксах стоявшие на правом крыле греческие наемники Кира успешно действовали¹ против неприятеля, но вряд ли, тем не менее, можно отрицать, что наибольшую активность с обеих сторон проявила конница, действия которой Ксенофонт отмечает² как в центре, так и на одном из флангов.

Войны с персами наемников Кира Младшего и Агесилая показали недостаточность старой системы фалангового боя, принесли ряд попыток новых построений гоплитов и со всей остротой поставили вопрос о необходимости придания пехоте достаточно сильной конницы. Эпаминонд, реформировав боевой строй тяжелой пехоты, успешно применял его против старой фаланги, причем с действиями гоплитов были строго согласованы операции конницы.

Тактика IV века получила завершение в македонской армии, где новые формы боя стали возможны лишь благодаря наличию способной к активной роли сильной кавалерии, которая у Филиппа II и Александра имела в достаточном количестве.

Греческие колонисты, приходившие на северный берег Черного моря, приносили не только свои обычаи, культуру и бытовой уклад, но также и военный строй, основой которого (как и в метрополии) должна была быть фаланга гоплитов. Однако боевые столкновения причерноморских греков с их соседями не были похожи на войны, которые вели между собой греки метрополии. Противниками причерноморских поселенцев были частично пешие, частично конные, в основной массе легко вооруженные варвары. Кроме того, надо думать, греки нередко привлекали воинственных кочевников в качестве союзников в свои войска. Роль таких союзников в армиях боспорских царей, видимо, иной раз была очень значительной. Все это способствовало созданию условий, вероятно, близких тем, в которых приходилось воевать грекам в походах в Переднюю Азию конца V — начала IV веков до н. э.

По доступным нам данным, основу военной мощи скифов составляли конные лучники. Панцирная конница, видимо, не была многочисленной, а легковооруженная пехота вряд ли могла играть решающую роль.

Боевые качества скифской конницы, несомненно, были высоки. Геродот свидетельствует³ о том, что во времена похода Дария (в 513 г. до н. э.) скифская конница всегда обращала в бегство персидскую, а последняя не знала себе равной в сражениях в Греции и Передней Азии до появления тяжелой кавалерии македонян. В силу этого трудно предположить, что постоянное соприкосновение с конницей скифов, — то как с вражеской, а иной раз как с союзнической, — не оказало воздействия на тактику причерноморских греков; напротив, надо думать, что в ней должны были произойти изменения, близкие тем, которые имели место в греко-македонской тактике IV века до н. э. на Балканском полуострове и в Передней Азии. Насколько справедливо это предположение, покажет нам анализ битвы при Фате, — единственного сражения в Северном Причерноморье, о котором мы располагаем более или менее подробными сведениями.

Битва при Фате произошла в 310—309 гг. до н. э. во время войны, разгоревшейся после смерти боспорского царя Перисада между его сыновьями, оспаривавшими друг у друга престол отца. Диодор Сицилийский (XX, 22) дает довольно подробное описание этой битвы и предшествовавших ей событий. Приведем данное свидетельство полностью.

«По смерти Перисада, царя Киммерийского Боспора, сыновья его — Евмел, Сатир и Притан — подняли между собой войну из-за власти. Стар-

¹ Xenoph. Anab. 1, 8, 18 и сл., 1, 10 и сл.

² Ibid. 1, 8, 24 и сл., 1, 10, 7 и сл.

³ Herod. IV, 128.

ший из них, Сатир, получил власть от отца, царствовавшего 38 лет, но Евмел, вступив в дружеские отношения с некоторыми из соседних варварских народов и собрав значительные военные силы, стал оспаривать у брата власть.

Сатир, узнав об этом, двинулся против него со значительным войском; перейдя через реку Фат и приблизившись к неприятелям, он окружил свой лагерь телегами, на которых привез огромное количество провианта, затем выстроил войско и сам, по скифскому обычаю, стал в центре боевого строя. Союзниками Сатира в этом походе были греческие наемники в числе не более двух тысяч и столько же фракийцев, а все остальное войско состояло из союзников-скифов в количестве 20 с лишком тысяч пехоты и не менее 10 тысяч всадников. На стороне Евмела был царь фатейский Арифарн с 20 тысячами конницы и 22 тысячами пехоты.

Сатир, окруженный отборными воинами, завязал конную стычку со свитой Арифарна, стоявшего против него в центре боевого строя, и после значительных потерь с той и другой стороны принудил, наконец, варварского царя обратиться в бегство. Сначала Сатир бросился его преследовать, убивая всех попадавшихся на пути, но немного спустя, услышав, что его брат Евмел одолевает на правом фланге и обратил в бегство его наемников, он прекратил преследование и поспешил на помощь побежденным; сделавшись вторично виновником победы, он разбил все неприятельское войско, так что для всех стало ясно, что и по старшинству происхождения и по храбрости он был достоин наследовать отцовскую власть»¹.

Несколько небрежное, местами даже сбивчивое описание Диодора, несмотря на ряд неясностей и недоговоренностей, позволяет в основном проследить весь ход сражения. Очень ценно свидетельство Диодора о составе армии Сатира, в которой было около двух тысяч греческих наемников, вероятно гоплитов, и столько же фракийцев. Вооружение последних нам неизвестно; не исключена возможность, что это были нередко встречавшиеся среди фракийских наемников пельтасты. Далее Диодор сообщает, что союзниками Сатира в этом походе были скифы в количестве не менее 20 тысяч пехоты и более 10 тысяч всадников. Безоговорочно принимать на веру эти цифры Диодора, конечно, нельзя; античные источники, даже более достоверные и лучше осведомленные, чем Диодор, постоянно грешат совершенно непомерными преувеличениями, когда речь идет о войсках варваров. Но вряд ли следует сомневаться в том, что Сатира в походе сопровождали конные и пешие союзники-туземцы, по численности отнюдь не уступавшие его наемникам. Равным образом можно думать, что и количество войск фатейского царя Арифарна (20 тысяч конницы и 22 тысячи пехоты) сильно преувеличено Диодором.

Пытаясь проследить диспозицию войск Сатира, мы наталкиваемся на ряд затруднений, вызванных неясным изложением Диодора; о левом фланге у него даже нет упоминаний. Как видно из описанного хода боя, правый фланг армии Сатира занимали наемники, сам же Сатир с отборной конницей (как это ясно из рассказа о начале сражения) по скифскому обычаю стал в центре боевого строя. Формулировка Диодора — *ὑπῆρχε αὐτὸς κατὰ μέσην τῆν φάλαγγα* достойна внимания. Нельзя допустить, чтобы под наименованием *φάλαγγις* (фаланга, т. е. сомкнутый строй тяжеловооруженной пехоты) Диодор подразумевал окружающих Сатира отборных всадников. Это заставляет полагать, что отряд, сопровождавший Сатира, не представлял собой центра армии, а стоял, выдаваясь перед фронтом ее, посередине боевой линии. Какие части занимали остальную часть центра

¹ Перевод Л а т ы ш е в а. Известия древних писателей, стр. 474 и сл.

и левое крыло армии Сатира, остается неясным; надо думать, что там находились пешие и конные союзники — скифы.

Еще более скудны сведения о диспозиции противников Сатира. Нам известно только, что, подобно Сатиру, Арифарн со своей конной свитой стоял в центре боевого строя¹, а левым крылом командовал Евмел².

Установив диспозицию обеих сторон, мы без труда можем изложить ход битвы. Сатир с отборной конницей атаковал стоявшего против него Арифарна. Горячий конный бой (ἵππομαχία), после значительных потерь с обеих сторон, закончился удачно для Сатира, и Арифарн со своими спутниками принужден был обратиться в бегство.

Еще во время конного боя и другие части армий вошли в боевое соприкосновение. При этом стоявшие на правом фланге наемники Сатира были разгромлены левым крылом противника, которым командовал Евмел. Что происходило в это время на левом фланге войска Сатира, сказать трудно, но полное отсутствие упоминаний об этом заставляет предполагать, что действия здесь развивались вяло и ни к каким решительным результатам не привели.

Сатир, опрокинув Арифарна, бросился его преследовать, но, получив известие о неудаче, постигшей его наемников, стоявших на правом крыле, обратил свою конницу против успешно сражавшегося Евмела. Сокрушительный удар конницы Сатира во фланг, а возможно, и в тыл отряда Евмела, решил исход боя. Разбив эту группу, Сатир одержал полную победу. Очевидно, бой был жестоким, и потери, во всяком случае войска фатеев, были весьма значительны. Диодор (XX, 23) сообщает, что Сатир разбил все неприятельское войско, а уцелевшие воины Евмела и Арифарна принуждены были бежать в укрепление фатеев.

Тактика, примененная Сатиром в битве при Фате, во многом напоминает военные присмы македонской эпохи и последующего эллинистического времени. Тяжелая пехота не является уже решающим, почти единственным родом оружия. Напротив, исключительно активной оказывается роль конницы, которая оперирует в тесном взаимодействии с пехотой: опрокинув стоящего перед ней противника, она атакует и сокрушает успешно сражающуюся с пехотой неприятельское крыло. Такое взаимодействие фаланги и конницы и большая активность последней показывают, что к концу IV века до н. э. тактика боспорцев в известной мере была близка македонской. Это могло быть вызвано отчасти проникновением на Боспор командиров наемных армий, приносивших из метрополии последние достижения тактики, отчасти сходными условиями в обеспечении армии различными родами оружия. Цари Боспора могли получать хорошую конницу³ от подвластных им туземных племен или союзников-скифов.

Однако нам не представляется возможным рассматривать тактику Сатира в битве при Фате только как типичный образец македонской тактики второй половины IV века до н. э. В системе построения войска, надо думать, сказались не одни только правила греко-македонского военного

¹ κατά μέγαν τῦν τάξι.

² Каковы были силы, находившиеся под начальством Евмела, мы не знаем и вынуждены ограничиваться лишь одними догадками. Возможно, что у него была наемная пехота, так же как и на стоявшем против него крыле противника.

³ Эта конница в своей основе была легкой, однако часть ее, надо думать, имела оборонительные доспехи. Такие тяжеловооруженные дружинники, вероятно, заполняли первые ряды ударного кулака скифской конницы, ибо они в большей мере были приспособлены для рукопашного боя.

Некоторое представление о вооружении панцирных всадников дают изображения конных варваров на знаменитом золотом гребне из кургана Солоха (отчет Археологической комиссии за 1913 и 1915 гг., стр. 110 и сл.; П. Макаренко, Художественные сокровища Эрмитажа, П., 1916, стр. 46, табл. 1; Revue Archéologique, 1914, табл. I—II).

искусства, но также и некоторые приемы, заимствованные от обитателей обширных степных пространств Северного Причерноморья.

Диодор, говоря о том, что Сатир стал в центре боевого строя, подчеркивает, что он сделал это по скифскому обычаю; данное сообщение очень знаменательно не только указанием в нем указанием на место, которое занимал в строю скифский царь или главнокомандующий, но еще и тем, что аналогичный обычай нам известен и у персов¹.

Из описания Ксенофонтом² битвы при Кунаксах мы знаем, что каждый из противников выдвинул перед фронтом своей армии, посередине боевой линии, отряд конной гвардии. Шестьсот тяжеловооруженных всадников Кира стояли против шести тысяч гвардейцев Артаксеркса³. В этой концентрации кулака отборной (обычно, надо думать, тяжеловооруженной) дружины в центре боевого строя можно видеть один из приемов, свойственных персидской тактике. Последующая *иптоахиа* гвардейцев Кира и Артаксеркса в сущности решает исход сражения, ибо на правом крыле, занятом греческими наемниками (поддерживавшимися тысячей каппадокийских всадников), операции ограничивались почти бескровными маневрами, а о действиях левого крыла, которым командовал Ариай, Ксенофонт не упоминает вовсе, заставляя предполагать, что ничего оущественного там не произошло.

Таким образом, мы находим во всех четырех армиях, сражавшихся при Кунаксах и Фате, совершенно одинаковое применение кулака отборной конницы, стоявшей в центре боевого строя, задачей которой было нанесение сокрушающего удара противнику. Это побуждает нас несколько по-иному смотреть на тактику Сатира и приводит к следующим выводам. Можно считать, что в конце IV века до н. э. в Северном Причерноморье старая греческая система сокрушения противника лобовым ударом сомкнутого строя гоплитов не находила применения. Как и в Греции в это время, здесь особое значение приобретает конница, действующая согласованно с пехотой. Сатир, располагавший характерной для Боспора вооруженной силой, — наемной, профессиональной, греческой и фракийской пехотой и варварским пешиим и конным войском, сумел использовать опыт греко-македонской тактики, выработавшей тесное взаимодействие конницы и пехоты. Вместе с тем, расположение ударного отряда конницы в центре боевой линии, а не на фланге, ясно свидетельствует о том, что Сатир сочетал греко-македонскую тактику с военным строем, заимствованным от скифов.

Таково было военное искусство Боспора. Гибкая тактика позволяла умело комбинировать различные военные приемы; командование чутко учитывало характер, боевые качества и военные навыки тех контингентов, из которых состояли вооруженные силы Боспорского государства.

Последовавшие за битвой при Фате операции хорошо освещают оборонительное военное искусство фатеев. Потерпев неудачу в бою, фатеи вынуждены были бежать в свое укрепление. Судя по словам Диодора (XX, 23), в этом убежище, расположенном в излучине реки, окруженном утесами и большим лесом, фатеи очень умело сочетали благоприятные условия труднодоступной местности с удачным расположением укреплений, замыкавших естественные доступы. Один из них был защищен укреплениями с башнями, а другой — проходившими среди болот деревянными палисадами. Сатир, наступавший без особой подготовки и, видимо, без

¹ Xenoph. Anab. 1. 8. 21—22.

² Ibid. 1, 8, 6; 24—25.

³ Ibid. 1, 8, 21—24. Нельзя безусловно поручиться за то, что количество гвардейцев Артаксеркса не было преувеличено Ксенофонтом, как это нередко бывало при определении античными писателями числа варваров.

осадных машин, потерпел неудачу у башен, но палисады ему удалось захватить. Форсировавшим палисады воинам Сатира пришлось затем преодолеть большой лес, через который надо было прорубить просеку, чтобы добраться до стен укрепления. Дабы воспрепятствовать продвижению осаждающих, Арифари выслал лучников, которые множеством стрел поражали прорубившихся через лес воинов и наносили им тяжелый урон. Когда, наконец, воинам Сатира удалось приблизиться к стене, то осажденные отразили их, осыпав тучами стрел. В происшедшем под стеною жарком бою Сатир был смертельно ранен. Смерть Сатира решила исход междоусобной войны двух братьев.

Заслуживает внимания то, что расположение укрепления фатеев на излучине реки в труднодоступной местности и умелое использование при обороне замка примыкавшей к нему чащи леса (где расставленные Арифари стрелки препятствовали продвижению боспорского войска) в известной мере отвечает традициям военного искусства в истории народов нашей страны. Их интересно сопоставить с византийским свидетельством¹ об антах и славянах, которые селились в лесах у неудобопроходимых рек, болот и озер и, вооруженные копьями, щитами и луками, любили сражаться с врагами в местах, поросших густым лесом, и в теснинах.

¹ М а в р и к и я, Стратегикон, XI, 5.

